

Муфтий Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона **Равиль-хазрат Панчеев** рассказал portalу Islam.ru о себе то, что обычно остаётся за кадром или ускользает от пристального взгляда его паствы и других, так сказать, наблюдателей.

– Равиль-хазрат, являясь духовным лидером мусульман северной столицы России и также целого Северо-Западного региона, Вы, разумеется, постоянно, что говорится, "на виду". За такими людьми постоянно пристально наблюдают, их слова и поступки обсуждают, к сожалению, не всегда эти обсуждения бывают положительными, большая их часть негативно-критичная. Наверное, это не очень приятно, Вы уже научились не реагировать на, скажем так, "злых критиканов" или воспринимаете их эмоционально?

– По-разному бывает. Конечно, все мы люди живые, наши сердца умеют болеть и я такой же человек. Но стараюсь смотреть и разбирать когда, как и почему сказали? Не реагировать не учился, но научился принимать к сведению все, что говорят, и проверять себя, а вдруг они правы. А если правы, значит, их критика, пусть и не мягкая, но принесла мне пользу, потому что я смог что-то изменить к лучшему, а значит выверить свой путь. Лучший отзыв на твою работу – это люди, которые приходят к тебе в мечеть и которых много, и мечеть не вмещает всех, хотя им есть куда пойти, ведь есть другая мечеть – но они идут к тебе.

- Отвечая на вопрос: "Как становятся муфтием?", Равиль-хазрат рассказал о себе, что вырос в деревне Средняя Елюзань, где проживало двадцать тысяч человек и откуда вышло немало религиозных лидеров, которые в данный момент работают в муфтиятах по всей России. О детских же годах, и о том, как династия муфтиев Панчевых оказалась в Санкт-Петербурге, в те годы еще Ленинграде, сообщил следующее:

– У нас в селе постоянно была выходная пятница и одна действующая мечеть, где верующие сельчане собиралась по пятницам. До того, как мечети позакрывали при советской власти, было, конечно, очень много мечетей в селе, но тут одна только осталась. Но она была постоянно на джума полная, хотя, конечно, многие боялись, не хотели портить себе карьеру, поэтому открыто мечеть не посещали. В селе у нас, даже в советские времена, все получали хотя бы начальное религиозное образование, основы

Ислама знали, потому что были в нем знающие люди, которые, не боясь, делились своими знаниями. И мой отец брал религиозные уроки у знатоков Ислама – алимов. Дал же муфтий поведал, что его отец Жафяр-хазрат Пончаев почти сразу после рождения сына уехал в Узбекистан профессионально обучаться исламским наукам, где он, кстати, стал первым выпускником Ташкентского исламского института. А Равиля-хазрата растили в основном бабушка и дедушка, которые во многом повлияли на формирование его исламской нравственности. Впоследствии Равиль-хазрат обучался Исламу у своего отца в Уфе в исламском институте, а в Ленинграде семейство Панчевых оказалось 3 августа 1977 года. Вся жизнь муфтия Равиля-Хазрата связана со двором Санкт-Петербургской, называвшейся тогда Ленинградской, мечети.

- Опишите, пожалуйста, как выглядела религиозная жизнь в советском Ленинграде? Даже словосочетание это "религиозная жизнь в советском городе", наверное, многим покажется гротескным и несовместимым.

– Вы знаете, а ведь в те времена жизнь была спокойнее и на самом деле религию соблюдать и тогда было можно, я каких-то особенных запретов не видел и не чувствовал. Например, меджлисы, религиозные праздники и пятничные намазы всегда проводились, развитие религии тоже, на мой взгляд, происходило. Кстати, хочу сказать, что, например, в те годы женщин было больше в мечети, чем теперь. Чем это объяснить - не знаю. Хотя в общем прихожан стало намного больше. Раньше только половина нашей мечети собиралась. Но исламская жизнь у нас была! У тех, кто хотел быть в Исламе, и религиозные праздники отмечали широко, не таясь. Поздравляли нас с нашими праздниками и немусульмане. В мечеть на пятничный намаз ходили даже партийные работники, в том числе и те, кто в больших чинах. Можно вспомнить тут один случай: поступила жалоба в горисполком от одного из прихожан, что имам их в белые ночи в месяц Рамазан слишком долго таравих-намазы читать заставляет. Мол, скажите ему, чтобы укоротил эту молитву. Раньше в мечеть к нам приводили делегации из стран мусульманского Востока, и арабы высказывали своё удивление о том, что нам удалось при тех общих ущемлениях, которые были, сохранить религию в таком виде, в каком они у нас её находили.

– Довольно сложно было уговорить Равиля-хазрата говорить о себе, он всё про мечеть, про прихожан, про общее сбивался рассказывать. Мне регулярно приходилось говорить ему "Равиль-хазрат, а давайте все-таки о Вас!", и тогда он продолжал...

– Вот тут на питерских улочках я и рос и на самом деле вся моя жизнь – это Питер, я его ощущаю своим городом. В 1988 году окончил восточный факультет Ленинградского государственного университета, который славится по всему миру, углубленно изучал арабский язык. На стажировке работал переводчиком в Йемене, потом, окончив обучение и защитив диплом, уехал в Ливию, работал пока не развалился Советский

Союз. По возвращении застал трудное время, с работой было плохо, да и вообще все стало сложно, но тут мне помог отец, отдав третий этаж мечети под курсы арабского и основ религии. По девять групп тогда набрали, и я стал преподавать.

– Думаю, наших читателей интересует, продолжат ли Ваши дети династию Панчеевых, пойдя работать в эту же мечеть, или одну из строящихся?

– Не знаю, как будет угодно Всевышнему Создателю, пока еще не понятно. У меня только один сын, и его все-таки больше интересует наука, и выбрал он себе факультет истории стран Ближнего Востока, ему интересна именно Турция, хотя я ему рекомендовал арабские страны, говоря, что их много, а Турция одна. Учит он арабский, турецкий, английский, немецкий и французский языки, а где и кем работать будет – позже ясно станет. Вообще, женился я поздно, когда уже вернулся из арабских стран в Россию. Я на тот момент, как подобает крепко стоящему на ногах человеку, заработав себе средство передвижения и жилье, стал думать о создании своего семейного очага.

– И как выбиралась жена будущему муфтию? Наверное, если я Вас об этом не спрошу, читатели будут разочарованы!

– Жену мне выбирали родители, критерием было, чтобы была она из рода богобоязненных людей. Смотрели не только на то, молились ли родители претендентки, но и на других предков. Родители выбрали – я женился. Я полностью положился на них, их опыт и понимание, потому что я был уверен, что они знают, что мне нужно и как решаются такие вопросы. Когда они выбрали – я согласился.

– Вы сказали, что во времена Союза в плане религии все было легче, каким образом легче? Принято считать, что тогда как раз было тяжелее. В чем выражалась эта легкость?

– Тогда не было так много разнообразной информации, и была возможность фильтровать источники, из которых она поступает. Это делало невозможным возникновение тех проблем, которые есть на данный момент в связи с хлынувшими к нам различными течениями, которые не несут в себе пользы. Ну и по поводу нравственности тоже было значительно проще: люди знали, где и как себя вести, были четко выверенные и известные всем границы. Причем эти границы были не только у мусульман, а у людей вообще, были четкие нравственные ориентиры. Вот так принято делать, а так – нет, и тот, кто вел себя неподобающим образом, не принимался обществом. В то время и знали все друг друга, кто есть кто было понятно, а репутацию берегли. Сейчас же люди даже на одной лестничной площадке друг друга не знают, и знать не хотят, а тогда были открытые люди и были готовы идти друг другу на помощь.

Этого всего сейчас нам очень не хватает и это надо вернуть. И вот это – задача религии на данный момент, вернуть людей в эти рамки нравственности и приличия.

– Затронув тему семьи и нравственности, мой собеседник заметно оживляется, чувствуется, что его глубоко волнует то направление, в которое зашла наша беседа.

– Семейные ценности это вообще отдельная тема, и на самом деле, она сейчас больная и выведенная за рамки нормального, ведь традиционная семья уже сдает, что называется, последние позиции и совершенно аморальные варианты семьи вводятся, чуть ли не в норму. Конечно, всему миру нужна религия, чтобы остановить этот процесс, это понимают на самых высоких уровнях. В прошлом году мы в Музее истории религий проводили конференцию для всех "Семейные ценности", у нас было много волнений, связанных с тем, что это больная тема и мы даже опасались, удастся ли нам ее провести. Пригласили представителей разных религий и светского сообщества. Мы рассчитывали примерно за час ее закончить, а вышло так, что четыре часа обсуждали тему и не могли завершить беседу. Разошлись просто потому, что уже закрывалось помещение и, пообещав новых встреч. Мы рассматривали семейный вопрос со стороны всех культур и наций, думали что делать в нашей современности, шло бурное обсуждение и было видно, что это очень и очень важная и общая для нас всех тема. У нас много планов на повторение этой конференции в более расширенном формате.

– Что еще было хорошо при Советах?

– Национализма тоже не было тогда. "Лица кавказской национальности" когда появились-то? И разве это не было хорошо?! Только у нашей страны есть многовековой опыт межконфессионального и межнационального общения, многовековая история совместного проживания. У нас жить вместе это естественно, а все остальные делают это искусственно, у них нет опыта многовекового и они стараются – но не выходит. Проект "толерантная Европа" фактически провалился со своей идеей мультикультурного мира. А мы развиваемся в этом направлении и не взирая на то, что нам даже с этим мешают, у нас есть еще некоторый запас прочности в этой сфере. На протяжении столетий наш регион является местом уникального сосуществования и совместного служения Единственному Создателю.

Мы все живем в общем доме и делить нам нечего, нам необходимо сообща сохранить божий дар.

– Видно, что Вы человек, который не стоит в стороне от этого мира, переживая за все, что в нем происходит и участвуя в том, чтобы он менялся. Расскажите, пожалуйста, что делает муфтият под Вашим руководством, чтобы изменить ситуацию с потерей нравственных и семейных ценностей?

– Работа с молодежью, которая завтра уже будет представлять этот мир. Работаем, чтобы менять потихоньку ситуацию, еженедельно по средам встречаемся с ними в разных местах и беседуем с ними на тему нравственности. Очень подружились и нам нравится совместное общение. Для укрепления межнациональных и межконфессиональных отношений устраивали совместные спортивные мероприятия, был турнир по мини-футболу на Кубок Муфтия Санкт-Петербурга.

Главная тема сейчас – это празднование семидесятилетия Победы. Готовим ряд мероприятий. Будет конференция, тоже межконфессиональная: «Роль духовенства в годы Великой Отечественной войны», воевали ведь представители разных национальностей и работники духовной сферы тоже были в их рядах. Также мы с Культурным Просветительским Центром "Дагестан" в рамках этой конференции планируем мероприятие, где вспомним о героях этой войны, которые были родом из Кавказа.

Немного задумавшись, муфтий добавляет:

– А вообще, мне кажется, что если говорить о межконфессиональных отношениях, то у нас в Питере это очень не плохо получается, может лучше даже, чем у других. Ведь у нас тут все-таки культурная столица страны и мы стараемся, так сказать, держать эту марку. У нас всегда люди и сдержаннее и мягче друг к другу были.

– Религия и государственная власть, Вы сказали, что в прежние времена вам не мешали ее исповедовать и развивать. А как складываются отношения с властью сейчас?

– Могу сказать, что отношениям, которые складываются у религии с властью, я доволен. Они нам и помогают, и поддерживают. К примеру, в ближайшее время получим участок земли под кладбище. В перспективе хотелось бы, чтобы в каждом районе была мечеть, потому что наша переполнена, мы уже ковры закупили и на улице их по пятницам стелем. Хотелось бы построить мечети, только вот есть опасение – пойдут ли в них люди. Немного опасаюсь, что прихожане все равно будут молиться в Соборной мечети, где они привыкли и им нравится, но постараемся вырастить имамов, которые смогут там тоже собрать паству, т.к. потребность, конечно, в мечетях есть.

После этого муфтий развернул передо мной разработанные проекты строительства мечетей и в городе и во вверенной его попечению области и регионе. С огромным энтузиазмом Равиль-хазрат рассказывал о своих планах по развертыванию исламской инфраструктуры. Было видно, что он "горит" этими мечтами. Рассказал, что будет глобально решен вопрос с халяльной продукцией в городе, поделившись своими

переживаниями.

– Безобразия, которое творится в этой сфере, касается не только представителей нашей религии. Жители нашего региона покупают халяльную продукцию под маркой "Халяль", думая, что более экологический и качественный продукт, а иногда получают несоответствующий продукт. А если мы предлагаем то, что не соответствует, – это же разочаровывает не только в покупке, они начинают тогда думать плохо про нас и нашу религию.

Дальше Равиль-хазрат рассказал, что он очень надеется, что в ближайшее время будет решен вопрос с Хаджем, будет открыта организация по Хаджу Северо-Западного региона и будет организован прямой рейс в Святые места. У него есть основания думать, что это возможно уже в этом году.

Коснулись и темы исламской банковской системы, которая потихоньку, так сказать, стучится в наши двери, сказал, что это было бы очень хорошо, начини она действовать в нашей стране и что это будет полезно для всех.

Резюмируя, в конце нашей беседы муфтий Равиль-хазрат Панчеев заключил:

– В общем, планов много, надеемся, что будет все это пользой для людей, что Всевышний нам поможет и что сможем сделать для мусульман нашего региона все, что им нужно.

– А на самый последний вопрос, который невозможно было не задать после такой насыщенной беседы: "Трудно ли быть муфтием?" - муфтий ответил:

– Если все ладится и ты идешь по правильному пути, тогда не трудно, потому что ты тогда получаешь поддержку оттуда, откуда бывает даже и не ждешь. И ты понимаешь Кто это тебя поддержал. Я эту поддержку ощущаю и поставленные цели достигаются. Главное – идти вперед, быть чистым, совестливым, знать, куда идешь – тогда сложностей не будет.

Беседовала Лейла Наталья Бахадори